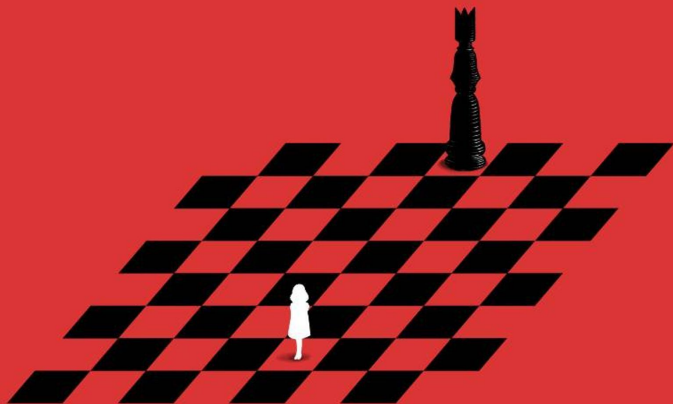

ГРОССМЕЙСТЕР

САУЛЕ КАЛДЫБАЕВА

18+

Сауле Калдыбаева

Гроссмейстер

<https://litres.ru/73164703>

SelfPub; 2026

Аннотация

Король воюющей страны хочет отобрать золотое сердце у девочки, чтобы стать бессмертным. Он поручает сделать эту операцию известному кардиологу, давно работающему над созданием вечного сердца.

«Гроссмейстер» — роман о любви, таланте и шахматах.

Сауле Калдыбаева – предприниматель, автор четырех книг. В школьные годы играла за сборную Казахстана по шахматам. Училась в романной мастерской Елены Чижовой.

Сауле Калдыбаева Гроссмейстер

Посвящается моему папе

Роман

Если ты думаешь, что я тебя не люблю и с тобой только шучу,
то возьми фонарик и посвети мне в сердце.

Лилианна Лунгина, перевод чьих-то немецких стихов

Такие предметы нельзя изложить ни сжато, ни по-французски.

Гегель

Бланк – мой сосед. Очень грамотный, похож на воспитанного бомжа. Любит Фишера. Восхищается Талем и Капабланкой. У них яростный стиль игры. Они делают вдох, а

потом без выдоха атакуют, жертвуют фигуры и пешки за позиционное преимущество. Странно, конечно. Я имею в виду – странно, как рассудительность и драчливость сочетаются в одном человеке. Все равно что свет и тьма ужились бы в одной комнате.

Вечером Бланк пришел, как и обещал, в семь часов. В руке маленькая доска с первыми сделанными ходами.

– Грюнфельд?

– Да. Карлсен играл эту защиту черными с Винсентом Кеймером в 2023 году пятнадцатого января в Вейк-ан-Зее.

Магнус Карлсен – все еще чемпион мира по шахматам. А что до турнира в Вейк-ан-Зее – поражает, как Бланк умещает в голове столько событий. Я спросил однажды, верят ли шахматисты в счастливые числа. Сосед ответил, что Каспаров был тринадцатым чемпионом, жил в тринадцатой квартире и родился тринадцатого апреля.

Сначала я думал, что Бланк учит партии чемпионов, чтобы блеснуть эрудицией в мужской компании. Но нет. Он помнит фотографию дохлой мухи, найденной в кресле Фишера, когда тот играл со Спасским в 1972 году в Рейкьявике. Все яркое легко. Это как салют после пандемии. И первый танец с «той самой» девочкой. Пока я вспоминал девочку, Бланк готовился подорвать пешечную структуру белых.

Я пригласил соседа в комнату. Он кивнул и вошел. Сел в кресло. Закурил сигару, срезал столбик пепла в пепельницу.

После жертвы черной пешки на с5, Бланк дернул ногой, заметил дырявый носок, но не смутился, а глубоко затаился.

Потом отложил доску с фигурами, взял чашку с чаем и кивнул, давая понять, что готов слушать. Мне кажется, я многое знаю о нем. Весной он не замечает, как почки раскрываются навстречу теплему солнцу. А осенью не слышит ворон и как шуршат под ногами мокрые листья. Он смотрит на позицию в целом, видит объем, а не детали, здание, а не парадный вход.

Любит музыку. Фишер – это Моцарт. А Таль похож на Паганини. Будто у восьмого чемпиона был волшебный смычок и интуиция зверя перед охотой. Я спросил Бланка, что он думает об этом. Смычок или зверь? Сосед сказал, что на руке Талья было три пальца и при этом он прилично играл на рояле. Чтобы играть, нужно чувствовать, а не давить, сказал сосед. Ответ удивил, мне казалось, что Бланк уважает силу больше изящества. Он был интересен, его природа была непонятна. Я доложил в вазу лимонных яблок, разлил в чашки горячий чай, достал из стола пухлую тетрадь и прочел название:

Сплав

Бланк сказал, что сплав – это намеренный проигрыш, когда спортсмен готов «сплавить» партию. Тогда я спросил, можно ли сплавить партию, чтобы получить что-то взамен.

Ведь нельзя играть против себя, это неестественно. Должна быть какая-то идея. Бланк ответил, что если я про деньги, то они серьезного шахматиста не интересуют. И вспомнил случай, когда Фишеру предложили рекламировать дорогой автомобиль, но чемпион мира изучил свойства машины и отказался от гонорара, объявив, что «не собирается рекламировать автомобиль для самоубийц». Говорят, Фишер потерял на неподписанных рекламных контрактах десять миллионов долларов.

При этом Бобби сознательно ставил себя в ущербное положение, когда опаздывал на игру и терял время на запущенных судьею часах. Цель – заставить противника волноваться. Ожидание, ерзанье на стуле, изматывающее поглядывание на дверь.

Я выслушал соседа и сделал заметки в тетради. Потом спросил, как ему название «Новая звезда», и он ответил, что пешка может стать ферзем, если дойдет до восьмой линии. Тогда она звезда. А если шла и не дошла, то партию можно выбросить в мусорную корзину.

– Ты видел шахматный бланк? – спросил Бланк. – На оборотной стороне есть графа «Результат». White won или Black won. Остальное лирика.

– А если ничья?

– Хм. Знаешь, что сказал Таль? Играть на ничью белыми – все равно что совершить преступление против шахмат.

– Ладно, – согласился я. – Теперь я начну читать свой ро-

ман, если ты не против.

– Понимаю. Ты сел однажды за письменный стол и теперь хочешь покорить мир. Все равно что встать на эскалатор. Обратной дороги нет.

Бланк был когда-то бухгалтером в трехзвездочном отеле, но за последние пять лет сделал неплохую карьеру и теперь трудился редактором и переводчиком в солидном финансовом журнале. Очевидно, он гордился своими успехами.

– Я не хочу победить весь мир, – заметил я, – только немного его улучшить, если это вообще возможно. Послушай, моя история состоит из нескольких рассказов, как матрешка из вложенных кукол.

Мы познакомились в рюмочной, когда пили пиво. Это был смуглый худой человек с блеклыми глазами. Видно, мало осталось событий, способных зарядить эту батарейку. Он представился кардиологом. Я подумал, что про кардиолога он врет. Он выпил три кружки пива, а потом стал рассказывать, и я слушал. Всегда интересно слушать людей с блеклыми глазами, в которых пробежит иногда живая искра.

Рассказ кардиолога:

Знаете, в детстве я совсем не боялся крови, наоборот, она меня завораживала. Легко поступил в медицинский, а пока

учился, подрабатывал на скорой помощи, ставил «бабочки» в вены, и никогда от вида красной жидкости не кружилась моя голова. Иногда мы ездили в морг, разрезали там сердца, учились определять причину остановки или инфаркта. Иногда это были сердца детей, ведь дети тоже смертны. Редко, но встречались сердца красивых женщин. Я представлял их живыми, когда они могли еще смотреть на меня и разговаривать со мной и я мог слышать запах их духов. Каждый раз, вскрывая грудную клетку, я хотел понять, о чем думал человек перед смертью и почему у одних после смерти сердце еще бьется, а у других уже остановилось. И как отличаются сердца разных людей, может, у бедных оно больше, чем у богатых, а у скупых меньше, чем у щедрых?

Я не боялся вида человеческих тел. Наоборот, в морге все успокаивало. Лица людей на столах были добрыми, ничто их не тревожило, и для меня это было знаком того, что бояться будущего не надо. Если после жизни мы улыбаемся, значит, потом все будет хорошо. Может быть, даже лучше, чем при жизни на земле, где идут бесконечные войны и как только закончится одна война, сразу начинается другая. Мне казалось, что в морге люди блаженнее, чем на улице, в магазине и в метро. Разве только в редкие минуты жизни мы не хотим никуда уходить, но эти минуты ведь такие короткие.

Потом я искал такие лица в толпе, среди идущих мимо прохожих, мне казалось, что если найду такое лицо, то заговорю с ним и пойду рядом, чтобы понять, как лицу удается

ходить, не касаясь земли. Это очень важно – не быть приземленным. Не иметь грубого голоса, хрипоты и лица большинства, на котором светлого не прочтешь.

И это случилось, правда, всего два раза в жизни. Однажды в субботу хорошенькая студентка театрального института пригласила меня на спектакль про «все наоборот». Если суть спектакля выразить коротко лозунгами, то смысл его примерно такой:

Оружие – хорошо, его можно продавать.

Хлеб – плохо, потому что в нем глютен.

Смерть – свободна, потому что приходит когда захочет. И забирает кого захочет.

Жизнь грустна и ничтожна.

К тому же все дорого.

Люди эгоисты.

Бога нет.

Студенты веселились, пили пиво из банок и топали обувью о деревянный пол, когда на сцене творили любовь, а когда им что-то нравилось, они свистели, вставали с мест и вопили:

Долой хлеб!

Иди на войну!

Она игрушечная!

Ба-бах!

Интересный спектакль, подумал я. И стал разглядывать зал. Студентки театрального института были не такие, как девушки медицинского. Они были красивые и легкие, могли с места вдруг запеть песню, захлопать в ладоши, поцеловать понравившегося парня и вообще ничего не боялись. Скоро я заметил девушку, она сидела так, что я мог хорошо разглядеть ее нос и низкий вырез на платье. Она сидела в нижнем ряду по диагонали от меня. Еще и еще я смотрел на нее. Нос, вырез, волнистые волосы. Я стал представлять, каким могло быть ее сердце. Два раза незнакомка повернулась в мою сторону и улыбнулась. Ее лицо было похоже на лица тех, чьи сердца я держал в ладони. Безмятежное, будто знающее ответы на все вопросы.

После спектакля все пошли в чью-то квартиру, чтобы обсудить спектакль. Мою хорошенькую знакомую позвали вместе со мной. И ту девушку из нижнего ряда тоже. Ее звали Мелла. Мы пробыли в чужой квартире ночь с двадцатого на двадцать первое марта, это была ночь весеннего равноденствия, и один студент предложил загадать желание в честь астрономического прихода весны. Мы с Меллой загадали что-то под смех и звон стеклянных стаканов. Один стакан упал и разбился. На счастье, сказала Мелла, и я оставил

немного денег в прихожей – компенсацию за разбитый стакан. Потом мы три месяца встречались в кафе и квартирах моих друзей. Наш роман прервался в июне. Моросил холодный грустный дождь. В тот день Мелла сказала, что ждет ребенка. Я засмеялся.

Она посмотрела на меня внимательно и ничего не ответила. В ответ на мой смех она раскрыла зонтик и ушла в дождь. Я искал ее долго, звонил, но она бросила институт, сменила адрес и номер телефона.

Прошел год или около того. Я окончил институт и стал работать в известной клинике, учредителя которой никто из сотрудников не видел. Но это не было интересно. Главное, я теперь мог сутками улучшать и создавать сердца, менять их форму по заказу клиентов, имплантировать в них металлы для прочности и раз в месяц делал бесплатные операции детям. Да, я мог себе это позволить, ведь я уже прилично зарабатывал, несмотря на мой возраст и небольшой стаж, медицинские журналы писали, что я гроссмейстер в кардиологии, а астрологические – что я родился под полной Луной.

Однажды в свободный от практики вечер мне показалось, что сегодня я увижу Меллу, бывают такие предчувствия, ничем не объяснимые. Я надел кашемировое пальто, повязал теплый шарф и вдруг увидел себя в зеркале прихожей. Смуглая кожа, непослушный вихор надо лбом, гладко выбритые виски. Успешный ученый, известный хирург, почти гений.

Я вышел из дома, у подъезда ждал мой водитель-китаец, я сказал ему подъехать к рыночному ряду – нужно купить хороший букет, я собирался в Дом приемов в честь начала новой войны.

В начале цветочного ряда стояла девушка с показавшимся знакомым профилем. Свет фонаря падал сбоку на ее лицо, как когда-то в актовом зале театрального института. Она обернулась, и мне показалось, что это была Мелла. Но она посмотрела на меня рассеянно и уже отвернулась. Не узнала. А может, наоборот, узнала. Я не стал ее окликать.

Чтобы как следует изучить работу сердца, я работал сутками. Чтобы не прекращать работу по вечерам, я заказал плотнику широкие полки и купил лабораторные банки, в них круглосуточно бились теперь сердца. Разные, любые. Рыбьи, волчьи, куриные и свиные. Были искусственные, вынутые из клонированных собак, были облагороженные серебром и бронзой, золотом и алмазной крошкой. Иногда они останавливались и не заводились снова, иногда барахлили, поднимая вокруг пузырьки, и тогда раствор протухал и делался через время мутным.

Лучше всех вели себя золотые. И я понял— нужно еще много золота. Сердце – полый орган, для создания приличного экземпляра достаточно каких-то трехсот граммов, но, чтобы создать совершенное сердце, нужно тысячу раз ошибиться. Для этого нужны килограммы. Я не знал, где достать

слитки в достаточном количестве, и не хотел рассказывать никому о своем открытии. Я мог бы купить золото у спекулянтов, деньги не были для меня проблемой. Но как все сделать, чтобы не навлечь подозрений?

Как раз тогда мне позвонил человек с солидным голосом и пригласил в загородную резиденцию короля в пять утра. Я удивился приглашению и еще больше удивился раннему времени, хоть и забыл, что такое спать всю ночь, и завидовал людям, умеющим засыпать без снотворного. Конечно, я ни разу не бывал в королевской резиденции. И, конечно, я не мог заснуть в ту ночь. Ходил из угла в угол, представлял свой будущий разговор. В три часа принял душ, надел чистую рубашку, новые туфли и вышел из подъезда – там ждала черная бронированная машина с вооруженными людьми.

Меня посадили на заднее сиденье, завязали глаза. Примерно через час мы приехали на место. Пока вели под руки, я слышал, как тяжело раздвигаются двери в коридорах, и чувствовал подошвами холодный каменный пол, пока мы спускались по бесконечным лифтам и ступенькам вниз. Когда слегка, но ощутимо придавили плечи и я оказался в кожаном кресле, мне разрешили снять повязку. Тогда я увидел его. Судя по глазам, ему больше ста лет, но кожа на лице и даже шее гладкая, как на барабане.

Он предложил кофе, потом виски. Мы молча выпили, стакан, потом еще. Пока я не почувствовал, как кровь становится в венах жаркой, и как бьется во все углы горячая мысль,

все равно что сердце в пакете со льдом. Но человек, сидевший напротив меня, не начинал разговор. Он изучал меня. Скоро я осмелел и спросил, в чем цель моего визита. Человек наконец улыбнулся, надел темные очки. А потом сказал, что знает: я провожу научные опыты буквально на коленке, как кустарь-самоучка, но он готов мне помочь. Он откроет мне царские возможности, и заветную дверь тоже, «эта дверь находится тут», сказал он и показал на темную штору за своей спиной.

– Ты сможешь взять столько золота, сколько поместится в карманах твоего нового пиджака, как в хорошей народной сказке. Если не хватит и слитки закончатся, просто позвони моему помощнику – тебя допустят к двери снова.

Я чуть не задохнулся от счастья, стал благодарить и уверял, что готов расписаться на любых бланках, на любых кредитных договорах. Но он остановил меня. Он вытянул вперед руку, чтобы я замолчал. Потом дал знак охраннику удалиться, придвинулся ближе и прошептал:

– Только одно условие – как только встретишь человека с настоящим золотым сердцем, а не выращенным как огурец в дешевой банке, ты отдашь его мне. Ты посадишь это сердце в мою грудь, как цветок в благодарную землю. Донора жаль, конечно. Но жизнь короля для страны важней, надеюсь, ты понимаешь.

Через пару лет ко мне на прием пришла женщина с трехлетней дочкой.

– Какая проблема? – спросил я, не поднимая глаз, дописывая что-то в медицинский блокнот.

Женщина сказала, что ее дочь слишком доверчива, она всех чужих и знакомых обнимает и целует в нос. Я осмотрел девочку, изучил ее карту. Что-то было не так. В темной соседней комнате я сделал исследование груди через просвечивающий аппарат и увидел, как материя внутри светится. Я понял, почему она светится, хоть в это было трудно поверить. У девочки золотое сердце. С таким можно жить, радоваться цветочкам и совсем не огорчаться тому, как мир устроен. Я уже знал, как он устроен, и мне не нравилось это знание. Ван Гог отрезал себе ухо в тридцать пять лет, Стефан Цвейг и Хемингуэй поняли, что лучшие романы они уже написали, и решили уйти без помощи войны, болезни или несчастного случая. А сердце из золота мягкое, оно может биться хоть триста лет, правда, только в идеальных, если можно так выразиться – в нечеловеческих условиях. Если быть в изоляции и не выходить из комнаты. Тогда я предложил маме девочки встроить в золото немного железа или чего-то другого, более подходящего. С ним сердце станет крепче и подешевеет.

О моей докторской диссертации и возможности жить со сплавом в сердце лет триста уже писали в электронных га-

зетах. К моим услугам прибегали очень богатые люди, арабские шейхи, короли, принцы. Обычные люди не имели ни средств, ни надежды.

– Ваша дочь ничего не потеряет, – сказал я, – наоборот, обретет шанс, ведь жить с таким сердцем – все равно что гулять в бриллиантах Графф по бедной индийской улице.

Она спросила, как это работает. Я объяснил, что при сильном землетрясении из кирпичных стен вылетят кирпичи, поэтому у строителей есть два варианта – стены льют из бетона или армируют. А японцы делают дома на японской сейсмостойкой подушке. Женщина заметила тихо, почти шепотом – хорошо, у нас ведь нет выхода. Я возразил, что выход всегда есть, и впечатал данные ребенка в операционный график, компьютер посчитал параметры и размер детского организма и выдал результат. Я прочел его и сказал:

– Через семь лет. А лучше подождать еще дольше. Сердцу нужно созреть.

Женщина переспросила под маской, скрывающей нижнюю часть лица:

– Семь лет?

– Раньше не получится.

Она неловко вынула из кармана мятый конверт и положи-

ла его на стол.

Я спросил:

– Что это?

– Сказали, без денег не сделают.

– Сделают. Я и сделаю.

– Да, но сказали... – опять начала женщина.

– Операция бесплатная.

– Возьмите, пожалуйста.

– У вас деньги лишние? – краем глаза вижу ее сапоги на тонкой, почти картонной подошве.

– Нет, – сказала она.

Она устало опустилась на стул и сняла маску. Когда-то у Меллы были глаза, как глубокое озеро. Но сейчас берег обмелел и зарос камышом. Куда делись гладкая кожа, нарядное платье и свежий румянец. Наверное, каждый день смотрит новости о войне.

– Мелла? – спросил я, не зная, что сказать.

– Я сильно изменилась?

– Нет, совсем нет.

Взгляд снова упал на тонкие сапоги. Мелла заметила взгляд и сказала, что год назад ей предлагали роль в королевском театре, там ставили какой-то важный спектакль, где каждую реплику нужно произносить глядя на портрет вождя, но она отказалась от этой роли. Сейчас в холодильнике пусто, и она не смогла утром сходить за молоком, поэтому сделала кашу на воде. Я сказал, что если буду жив, то через несколько лет у девочки будет другое сердце. Оно поможет ей выжить в этом безумном мире.

Мелла поблагодарила. Стала одевать дочку. Меня удивило, как девочка хмурит брови, когда разговаривает с игрушкой. Точно так же я хмурился на детских фотографиях, но мне не хотелось обдумывать причины этого удивительного сходства. Я записал на бланке свой телефон и спросил электронный адрес, чтобы выслать нужную информацию и список анализов, которые нужно сдать.

Они ушли. А через месяц мне написала в вотсап незнакомая женщина, она сказала, что ее младшая сестра умирает. Сестру зовут Мелла. Я спросил, куда прийти, чтобы попрощаться, женщина написала в мессенджер адрес с двумя

ошибками. Наверное, тоже артистка, подумал я.

Это был дом на краю города, в каком-то блеклом районе, с окнами, похожими на птичьи клетки. Я поднялся по темной лестнице на второй этаж, и ни одна лампочка не загорелась при виде моей фигуры. В подъезде пахло дешевым супом, мертвыми жуками и застрявшим в створках окна дохлым воробьем. Дверь открыла женщина с подозрительными глазами и сеткой морщин на щеках, при этом она была удивительно похожа на Меллу.

Сестра провела меня в небольшую старую комнату. Там лежала Мелла. Я подошел к ней. Я никогда не знал, что надо говорить уходящим, и еще меньше был уверен, какие нужны слова родственникам умерших. Успокоить – там лучше? Они бы не поверили.

Я стоял у кровати Меллы и молчал. Это очень трудно, говорить что-то, когда слишком много надо сказать. В комнату зашел мятый мужчина. Сказал, что он брат Меллы. И еще сказал старшей сестре: «Я возьму ее дочку». Сестра зашипела:

– Опекуном буду я!

– У тебя своих сопляков трое!

Мне показалось, что Мелла позвала меня к себе. Я склонился над кроватью, и она сказала неслышно сухими губами: «Забери ее, она ведь...»

Через два дня я предложил на похоронах Меллы: «Отдайте девочку, а квартиру оставьте себе. Я напишу отказную». Брат с сестрой согласились после пары часов нудного торга. Заплатил им немного денег и написал отказ от квартиры.

В конце добавил три слова. «Претензий не имею».

Наутро, после подписания отказной одиннадцать опрятно одетых женщин ждали в моей просторной приемной.

– Двенадцатая едет, – сообщила мой секретарь, – она предупредила заранее, что задержится.

– Хорошо, – сказал я, входя в кабинет, – пока есть из кого выбирать.

В кабинет стали по очереди заходить потенциальные няни. Первая была слишком полной. Одышка, плохое питание и, совершенно точно проблема с сердцем. У второй выражение на лице такое, будто ей трудно жить. Всегда не любил таких, они самые сложные пациенты, любой мелкий обсчет продавца во фруктовой лавке ложится мрачной печатью на их лицо. Я сразу попрощался с печальной няней. Мне не хотелось морочить никому голову вежливым обращением, к тому же, через полчаса ко мне записан на прием министр военной культуры.

Третьей в кабинет вошла худая высокая женщина, похожая на уличный фонарь. Четвертая женщина была слишком стеснительна. Могу без грудного разреза сказать, что есть уже вредные изменения в структуре ее сердца. Пятая заявила с порога – я научу девочку вкусно готовить. Я ответил, что мне бы хотелось больше внимания уделить математике и, возможно, игре в шахматы. Она сказала, что шахматы вредны, они учат самостоятельному мышлению.

– Это плохо? – спросил я и услышал ответ:

– Конечно.

Шестая стала наполнять меня цитатами из психологических книг, прочитанных на бесплатных сайтах. Седьмую, восьмую и девятую не буду описывать, потому что не запомнил их, к тому же секретарь доложила, что министр военной культуры уже выехал. У десятой был грубый голос, у одиннадцатой дрожали от волнения руки. Видимо, предыдущие десять не слишком лестно отозвались обо мне.

Я встал и вышел в приемную сказать секретарю, что на сегодня достаточно. Но она попросила минутку подождать, сказала, что двенадцатая няня играла в шахматном турнире, уже закончила игру и сейчас поднимается в лифте. Я вернул-

ся в кабинет и снова сел в кресло. Через минуту в комнату вошла стройная женщина с длинными, чуть раскосыми глазами.

Она была в легком цветочном платье и красных туфлях на каблуке, несмотря на то, что на улице все еще лежал снег. Села, извинилась за опоздание. Я спросил, какой у нее разряд по шахматам. Она ответила – я мастер спорта.

Будете ли вы учить девочку игре? Она ответила, что это желательно, ведь шахматы учат справедливости, в них в отличие от художественной гимнастики не засудят и не снизят баллы. Я спросил, в чем заключается справедливость. Она ответила:

– В том, что результат партии зависит от твоих ходов. Вернее, от ходов вашей девочки, – сказала она и улыбнулась.

Я спросил еще, потому что хотел окончательно убедиться:

– Как вы думаете – я сейчас не имею в виду игру, – победителей судят?

– Конечно, – ответила няня. – Ведь победители несут на руках кровь побежденных. Вольно или невольно, они ее несут. В этом трагедия любой войны. Не все мужчины это осознают, но это ясно понимаем мы, женщины. Война вне

нашей природы, мы не хотим разрушать, а хотим строить мир внутри своей комнаты, юрты или пещеры, если хотите. Мы умеем защищать, но нам генетически сложно нападать.

– Думаете, генетика важна?

– Я не генетик, но знаю, что садовая вишня не похожа на вишню в лесу. И ваша девочка, скорее всего, похожа на свою маму, возможно, сейчас она жалеет зайчиков, а когда вырастет, захочет спасти людей и делать им операции ради спасения. При этом генетика может не все, она лишь задает границы. Как говорят врачи, гены только заряжают ружье, но спускают курок привычки и способ мышления.

Я сказал, что нанимаю ее.

– Хорошо, – ответила няня. – В любой незнакомой позиции нужно искать возможность.

– Возможность?

– Я имею в виду, когда есть реальная угроза, возможности находятся намного быстрее.

– Конечно.

Я снова удивился ее ответу и спросил:

– Какие главные правила у этой игры?

Няня кивнула и спросила, есть ли в моем кабинете шахматы. Я вспомнил последний визит ко мне арабского шейха и ответил – есть. Через пару минут секретарь принесла внушительный шахматный комплект – подарок арабского шейха, и няня расставила обсидиановые и платиновые фигуры на деревянной доске.

– Смотрите.

Король – главная фигура.

Ферзь – самая сильная фигура.

Шах – нападение на короля.

Мат – когда королю некуда бежать.

Слон равен по силе коню.

Ладья сильнее слона и коня.

Пешка – самая слабая фигура.

Пешка – волшебная фигура.

Потому что только она может превратиться в ферзя.

И в любую фигуру, кроме короля.

Король может съесть пешку.

И любую другую фигуру.

Пешка может поставить мат королю.

Цель игры №1 – защитить своего короля.

Цель игры №2 – поставить мат королю противника.

Цель игры №3 – сделать это красиво.

– Отлично! – ответил я. – Я бы хотел, чтобы девочка знала то же, что знаем мы с вами – чистая сверкающая победа бывает только в боксе и шахматах, а в жизни победителей нет. Что еще. Жить будете вдвоем, все необходимое будет появляться в квартире само – стоит только составить меню и вложить его в наружный карман холодильника. И еще. Вы верите в Бога?

– Конечно, ведь кто-то там точно есть.

– И он все видит?

– Да. Только Бог не судья.

– Но ему все видно?

– Конечно.

Она показала кулон на своей шее.

– Видите? Мне его подарила Лиза Лейн, чемпионка Америки.

Я взгляделся в мелкие вдавленные буквы на серебре. Там было три слова.

God is Love.

С этого дня девочка стала жить с няней в квартире, которую я для нее купил. Няня читала сказки про белых лебедей

и добрых королей и учила играть в шахматы. Девочка была маленькой, поэтому садилась с ногами на шахматный стол и смотрела на фигуры с клетками сверху вниз. Двигала слонов по косой, как научила няня, и выучилась рубить пешек на проходе. Читал где-то, что Роберт Фишер играл сам с собой, когда был маленьким, делал ход за белых, потом переходил на другую сторону и делал ответный ход за черных. Так все играют, хоть и не догадываются об этом. Сегодня на стороне зла, завтра на стороне добра. Кто победит, интересно? Если хочешь обыграть самого себя, играй в шахматы.

По правде говоря, я уверен, что эта игра нужна не только детям и пенсионерам в парках. И не для того, чтобы коротать время и тренировать мозг, а чтобы учиться планировать хотя бы на десять ходов вперед. Учиться делить слова политиков на два, чтобы не перепутать в темноте белое с черным, а черное с белым. Люди часто путают эти два цвета, каждый по своим причинам. Не люблю политиков и людей тоже не люблю. Я их спасаю не из гуманности, а из желания узнать, как все устроено. Мне интересно, когда и кем будет закончена эта партия. Кто ее начал, тоже неизвестно. Самое неприятное – я не могу ничего изменить и, в отличие от многих, четко это осознаю. Я могу влиять на события на своем операционном столе, тогда я король, а вне этого стола я всего лишь жалкая пешка, впрочем, как все остальные граждане и прохожие. И если меня, как любого другого, могут в любую минуту вызвать повесткой на фронт – не о чем говорить. Я

не хочу никого убивать на войне, тем более на операционном столе, хоть теоретически могу это делать, и тем более не хочу погибать за странную, кажущуюся кому-то великой идею, поэтому я буду говорить те слова, которые от меня ждут, когда берут интервью.

Так обычно и происходит – сначала журналист спрашивает, похоже ли сердце человека на картинку с открытки к Дню Валентина и есть ли разница между сердцем мужчины и сердцем женщины, а на последней минуте он вдруг задает вопрос – как вы относитесь к войне с инопланетянами. И тогда я отвечаю: «Это сложный вопрос, смотря, с какой стороны доски посмотреть, но я точно знаю, что мы боремся за мир. К тому же уверен на триста процентов: наш король знает, что делает».

Есть фраза, не помню, кто ее сказал: «Я ненавижу людей, но люблю человека». Считаю, что при создании благоприятных условий любой «хороший» способен совершить подлость. Как брат и сестра Меллы. И как я когда-то. Старики говорят, что ошибки делают от молодости. Бедные думают, что низость растет в домах богатых. Богатые верят, что преступления поднимаются из нищеты.

Конечно, я не был романтиком. Перед покупкой квартиры девочке я сдал генетический тест, получил результат, но так и не открыл его. Там будет ноль или один. Или ничья. Отец, подлец или дурак. Я боялся узнать, что меня надули, и боялся стать отцом создания, сердце которого я обещал королю.

– Неизвестно, какая правда расстроила бы меня больше,
– закончил кардиолог, допив свой темный Хайнекен.

Потом он встал, надел пальто и вышел из рюмочной. Есть такая порода людей, они резко входят в твою жизнь и так же резко из нее выходят. Откровенничают с незнакомцами о вещах, которые нельзя даже вспомнить, не покраснев.

Кардиолог был из этого ряда. Умный, как змей, талантливый, не умеющий любить.

– Хмм, – сказал Бланк.

Я отложил тетрадь и ответил:

– После рюмочной я пришел домой и позвонил тебе, чтобы сказать, что пишу новую книгу. На следующий день, когда на улице зажглись фонари, то есть ровно в семь вечера, в мою дверь позвонили. Это был ты. С тебя начнется моя история.

Бланк удивился.

– Откуда ты знал, что я приду вовремя? Ведь первая страница была написана до моего прихода.

– Ты ведь не Фишер.

– Если бы моя фамилия была Фишер, я бы тоже опаздывал.

– Тогда отвечу тем же. Если бы я мог писать эти абзацы,

я бы здесь не был.

После этих слов я открыл барный шкаф, достал пятую бутылку холодного пива. Налил Бланку. И продолжил читать *следующую главу*.

Кардиолога я больше не видел. И некогда было его вспоминать, пока не случилось жить в маленьком арендованном доме на краю города. Я писал там серию рассказов.

И каждый день видел, как незнакомая девочка гуляет во дворе с рюкзаком и белым зайцем за спиной. Ей было десять лет, она сама это сказала, когда я подарил ей зонтик. Иногда она заходила ко мне посмотреть фотографии, развешанные на стенах.

Черно-белые фотографии – мое хобби. Такие фотографии репортеры снимали во время войны, когда цветной мир в пленку еще не пришел. Я не раз думал об этом – почему так, ведь цветные снимки появились еще в 1861 году. Потом понял: это логично, ведь на войне все делится на два. День и ночь, белое и черное, добро и зло. Нельзя занять нейтральную серую, всех устраивающую позицию. Солдат, пришедший с войны, скажет, что не стрелял в людей, а был музыкантом, но ему не поверят. Он снова скажет – я был на войне музыкантом, но ему не поверят. Тогда он напишет симфонию звуков, которые хочет забыть. А писатель, когда вернет-

ся с войны, напишет сказку или сразу несколько сказок, потому что писать о боли, пока она живет в раненых, страшно.

В тот вечер я расставил источники света по углам комнаты и установил штатив. Свет падал на игрушки и создавал за ними серую тень на стене. Я начал фотографировать, вспышка работала выстрелами. Бык, обезьяна, крокодил – по очереди. Когда съемка закончилась и я включил верхний свет, девочка подошла к крокодилу, погладила по зеленому бугристому уху и спросила:

– Как думаешь, он живой?

– Нет, – сказал я, но поправился, когда увидел глаза девочки.

– Ладно, – согласился я, – он живой.

– Да, – кивнула девочка, – все живые.

– Возьми его себе.

– У меня дома есть фрезии.

– Крокодилы просто обожают фрезии.

Прошло несколько лет. Я встретил ее в метро и сразу узнал. Она была похожа на многих девушек мира – смуглая, глазастая. С тонкой талией и крепкими икрами. Такими могут быть испанки, итальянки, турчанки и индианки. Везде ее могли бы принять за свою. Я спросил, где ее рюкзак, но она ничего не ответила. А когда я пришел домой, то какая-то женщина позвонила на домашний телефон, уточнила фамилию и сухим голосом, каким объявляют отправление поезда на вокзале, сообщила – вам посылка. Я сходил на почту, она в двух кварталах от моего дома. Расписался в бланке и принес домой пакет весом в триста граммов, заклеенный скотчем. Сверху девичьей рукой был написан адрес отправителя:

Море. Остров. Лодка №7.

Внутри пакета я нашел необычный черный камешек, высушенный букет фрезии и несколько фотографий какого-то острова. Тогда я вспомнил о девушке в метро. В руке она держала сумочку из крокодила.

Бланк кивнул, потушил сигару, встал с кресла, и я предложил сходить в кафе поужинать. Мы ушли в кафе, на столе осталась тетрадь. Я в ней перед уходом кое-что поправил. Названия «Новая звезда» и «Слав» были несколько раз зачеркнуты. Вернувшись домой после ужина, я стал писать

продолжение романа.

Зажглась лампочка на холодильнике, Дая подошла к двери, открыла ее. На полке с молоком появилась чашка малины. Слева в стеклянной прямоугольной тарелке блестел пятнышками жира холодец.

– А где сырники? – спросила Дая, и лампочка замигала, Дая закрыла дверцу и пошла одеваться, чтобы сходить за хлебом.

О булочках она не спрашивала, потому что двухметровый агрегат снова поставит на полку черный зерновой хлеб, а ей сегодня хотелось белую булочку с изюмом и сходить за ней самой.

Дая вышла в коридор и нажала кнопку, зеленый лифт ждал ее, как обычно. Вообще, все в квартире было давно кем-то устроено и продумано: холодильник наполнялся через пять минут после заказа сырников, пол пылесосился – пыль улетала в тонкие и почти невидимые решетки по периметру комнат.

Лифт приехал. Двери открылись, и Дая вышла на улицу. Спустилась по ступенькам и отворила дверь в хлебный магазин, который, как и все остальное или почти все, был встроены в дом, где она жила на последнем этаже. Самый последний этаж, ничего особенного. Ей нравился запах свежей выпечки, это не то, что брать из хлебницы готовое. Дая любила

неожиданности, если в квартире утром из крана не бежала вода, – а это было всего два раза в жизни, – ей казалось, что сейчас вслед за поломанным краном произойдет нечто значительное, вырванное из контекста привычного будничного дня.

Тогда придется вызвать сантехника, ждать его, а не делать уроки. С учебой Дая была на «вы», кроме астрономии с математикой, ей мало что нравилось. Она писала «арбита» вместо «орбита», а в слове «соблазн» ставила ударение на первый слог. Ничего страшного, если хорошенько подумать.

По вызову оба раза пришел человек в рубашке и галстуке, он уверенно заменил какую-то штучку в кране, но не был похож на сантехника, скорее на тех, кто охраняет короля. Дая видела похожих людей в ютубе – они носили одинаковые короткие стрижки, строгие плечистые костюмы и ходили в паре почтительных шагов позади главного человека страны. Когда лил дождь, они носили за ним зонт. Странно, но король будто был знаком Дае, будто она видела его где-то. Однажды она спросила учителя математики – а где живет король? Учитель сказал – не надо таких вопросов, девочка, нас это не касается. Когда тот же вопрос Дая задала училке французского, та быстро заморгала и предложила закончить урок, потому что испортилась связь.

До исчезновения няня часто поддавалась Дае – «случай-

но» подставляла пешки под бой или «нечаянно» зевала ферзя. А после робкого и еще неуверенного девчачьего мата разводила удивленно руками:

– Ай-ай-ай! Какая девочка! Как ты так быстро меня обыграла?!

Дая болтала ногой от удовольствия. Позже, когда высокий холодильник перестал казаться таким высоким, няня стала проигрывать Дае по-настоящему, и в такие минуты она обращалась к воспитаннице на «вы»:

– Двойной шах, говорите? Хорошо. Все идет по плану.

Или:

– Цугцванг? Некуда ходить? Отлично!

Как-то раз Дая села за шахматный стол и стала доставать белые фигуры из бокового ящика. Король на e1, ферзь на d1, слоны по краям от ферзя с королем, кони рядом со слонами, а ладьи стоят в самых углах доски на a1 и h1. Осталось поставить пешки, это легко, они всегда стоят на второй линии и вместе с конями первыми готовы идти вперед. Потом то же самое нужно повторить для черной стороны.

– Няня, кто придумал шахматы? Может, наш древний король?

Няня сделала гроссмейстерскую паузу и ответила:

– Ты права. Такая игра не могла появиться ни с того ни

с сего, на ровном месте, всегда что-то становится толчком и началом. Но придумал ее не король, а кто-то другой. Послушай.

Легенда о богине шахмат

Девушка Каисса была очень красивая. Она была красива настолько, что даже боги отводили глаза, когда ее видели и только бог войны Марс встретив девушку глаз не отвел, а сказал:

«О, прекрасная Каисса, я готов ради тебя на любое сражение, только скажи, где мне со своим войском пройти, и там живого зеленого места не останется, а будет только гореть жаркий огонь, и от этого огня взмолятся скалы, из них потекут слезы, из этих слез соберутся ручьи и создадут они море, а потом и глубокий большой океан. Хочешь, я назову его твоим именем?»

Но Каисса ответила Марсу, что такое море ей не нравится. И ушла к чистому роднику за горой.

А Марс решил во что бы то ни стало завоевать сердце красавицы. Он сел в тени большого дерева и стал вырезать маленькие фигурки из дубовых поленьев. Марс думал о Каиссе, сидя под деревом, а пока он так думал, возле него собра-

лась целая армия боевых фигур. Всего тридцать две. Пешки, слоны, кони, ладьи и короли с королевами. «Это армия Каиссы, а это моя, – шептал он, – они будут равны по числу и силе».

Потом Марс выкрасил половину фигурок соком дубовой коры, а вторую половину оставил прежней. Только он расставил их на клетчатом лоскутном платке, подаренном любимой бабушкой Геей, как вновь увидел Каиссу – она возвращалась с кувшином воды от родника, напевая какую-то тихую песню про море. Был жаркий день.

Марс вышел перед девушкой и волнуясь показал ей фигурки. Он предложил сыграть одну партию в тени дерева и сказал, что в этой игре можно делать ходы по очереди и побеждать в ней будет умный, а не сильный, смелый, а не осторожный.

Король может ходить на любую клетку рядом с собой, а пешка будет ходить только перед собой. Показывая правила игрушечной войны, юноша так увлекся и был так светлoduшен, что тень дерева поспешила скрыть от него быстрый румянец на щеках Каиссы.

И она стала играть с Марсом в необычную игру под названием «шахмат» – так бог войны эту игру назвал, и после

пятого хода она подумала, как идут ему эти брови, сведенные не от гнева, но мысли. На седьмом ходу Марс зевнул от волнения пешку, на пятнадцатом провел остроумную комбинацию, но густо покраснел и предложил ничью.

Тогда Каисса сказала: «О, божественный Марс, подари мне игру шахмат, я расскажу о ней земным людям, и они начнут играть, сидя в тени деревьев и научатся строить мосты там, где их раньше не было, чтобы привести своих детей туда, куда сами давно хотели попасть.

И любовь тоже появится там, где не было для нее никакой причины».

С того дня люди стали звать Каиссу богиней, а она каждые триста лет придумывала новые правила, потому что уже бегали по зеленой траве дети богов и просили научить их чудесной игре шахмат.

Однажды рано утром, когда Дая еще спала, няня вышла на балкон посмотреть, какая будет погода, но откуда-то сверху бесшумно спустилась летающая тарелка, села на перила и заморгала неоновым светом. И няня исчезла.

Дая потом искала ее во дворе, в магазине, спрашивала у соседей. На следующий день она приклеила к беседке и ка-

челям объявление: «Пропала няня. Особые приметы – шелковая пижама, красные тапочки, на шее цепочка с кулоном. Прошу звонить по номеру...». Но никто так и не позвонил.

Няня рассказывала, что кулон – это подарок Лизы Лейн. Лиза была старшей и очень красивой подругой няни, несмотря на то что жила в Америке. Может быть, няня тоже жила когда-то в Америке, а может, в какой-то другой стране. Няня никогда не говорила об этом, только по легкому акценту можно было догадаться, что она не совсем здешняя и, может, даже иностранная. Она рассказала, что, встретившись однажды с Лизой на большом турнире, она сразу атаковала ее в «принятом королевском гамбите» – предложила пешку на f4, а когда Лиза ее «съела», сразу вывела ферзя в бой. Лиза могла не брать пешку на f4, ведь есть еще «непринятый королевский гамбит», в нем черные отказываются принимать жертву пешки. Но Лиза ее взяла и уже через несколько ходов чемпионка Америки тихо остановила часы, признавая свой проигрыш. В следующем турнире Лиза Лейн предложила мирный размен ферзей еще в дебюте, а через два хода спросила:

– Ничья?

Няня подумала и согласилась. После партии они пошли в буфет выпить горячий шоколад, а когда встали из-за стола, Лиза сняла с шеи цепочку с серебряным кулоном и протянула новой подруге:

– Нравится? Дарю!

На кулоне была надпись «God is Love». Няня потом протирала его специальной тряпочкой, от этого кулон становился блестящим и почти белым. Все-таки подарки очень важны, с ними, хоть сто лет пройдет, будешь так же пить в буфете горячий шоколад с Лизой Лейн и болтать обо всем на свете. На фотографиях в шахматных книгах Лиза носит короткую стрижку и курит, как актриса в немом кино. Рядом с ней на краю стола стоит стеклянная пепельница, а свет на доску льет круглая настольная лампа. Лиза Лейн была очень похожа на кинозвезду.

Дая каждый день ждала. Выглядывала в окно, заказывала меню холодильнику на двоих и после каждого шороха взлетающих птиц бегала на балкон. Она не знала, куда исчезла няня, но отлично видела, как белая тарелка забрала недавно соседа. Он стоял во дворе возле качелей в кепке с надписью: «Давай улетим!». Ярко светило солнце. Это все видели – солнце очень ярко светило и любое несовпадение было бы заметно.

Но тарелка прилетела по заявлению местного дворника, приземлилась рядом с кроссовками соседа, и через пару секунд его затянула внутрь глубина белой машины.

Жена соседа видела все, она открыла кухонное окно и хо-

тела что-то крикнуть, но не смогла, потому что собственной ладонью закрыла свой рот. А когда ладонь побелела и пальцы разжались, тарелка уже улетела. Дая видела такое не раз. Большие белые штуки забирают тех, кто хочет не то, чего хотят все. Перед тем как в городе появились летающие тарелки, на стенах города специальные люди развесили плакаты с точными портретами инопланетян, составленными со слов депутатов, придворных и мэра города.

Портреты этих странных уродливых существ висели теперь на стенах почти каждого дома. Говорили, что инопланетяне не умеют разговаривать – только мычать и извергать жар изо рта. Говорили, что если они победят, то жизнь в стране сразу закончится. В доказательство новости сообщали, что один худой, но бдительный мальчик подбил бутылкой вражеский корабль, тот упал на большое поле за городом и сгорел вместе с травой.

Власти решили, что это поле – место для будущей высадки инопланетян и его надо оградить железным забором. А по периметру надо посадить героев с оружием. На поле стали отправлять добровольцев и нелояльных королю граждан, кто-то возвращался обратно глухой, слепой или раненый. Кто-то не возвращался совсем, будто граждан затягивала гигантская безжалостная воронка и больше не отдавала. А кто-то говорил, что вовсе не видел инопланетян, а только

героев с оружием и выглядели эти герои так, что ночью можно было запросто спутать одних с другими.

Между тем королевские ученые в каждом интервью заявляли, что если к нам прилетит еще один вражеский корабль, то сразу сгорит весь город, а потом вся страна. А возможно, и вся Земля. Ведь мы не знаем, как эти вредные существа размножаются.

А пока мы будем готовить запасную звезду на всякий случай, говорили новости, но торопиться нам некуда. «Просто помните, что звезда у вас есть. Вы же верите в Бога, вот так же верьте в звезду. Она должна быть в вашей кладовке всегда, даже если кладовки у вас пока нет».

Но сосед не верил в новости. Когда тарелки появились над городом, он сразу сказал жене:

– Давай полетим на звезду. Я буду работать там грузчиком, буду разгружать апельсины.

– А здесь ты работаешь учителем истории, – возразила жена.

– Знаешь, я ведь молчать не смогу, я себя знаю. Скажу, что думаю, и меня заберут. Выбирай – мы на звезде или я в тюрьме.

Жена ответила, что, если кто-то ни разу не видел инопланетян, это не значит, что их не существует. И еще сказала – подожди немного, ребенок недавно в школу пошел, а на звезде какие школы – еще неизвестно. И вот тарелка давно улетела, а жена соседа все еще стояла в окне, зажав ладонями уши, хотя никто никакого крика не слышал, тем более ее сын, потому что он уже ушел в школу.

В тот вечер няня пришла в комнату пожелать Дае спокойной ночи.

– Расскажи, пожалуйста, сказку.

– Давай я лучше расскажу одну давнюю историю. Она случилась, когда мои прапрапрапрапрабабушки и мои прапрапрапрапрапрадедушки еще не родились. Прости, нужно точнее потом подсчитать сколько нужно приставок «пра», чтобы показать, как давно это было. Так вот. Я расскажу тебе историю одной восточной царицы, ее звали Томирис. Садись удобнее.

Легенда о Томирис

В одной далекой стране, где снежные горы меняются со степями, а широкие степи – с горами, где лесные озера тихие, а горные плещутся даже ночью, жила-была девочка, звали ее Томирис. Она жила в белой высокой юрте вместе

со своим папой, массагетским царем Спаргаписом. Мама девочки умерла, поэтому женщины из других юрт готовили для Томирис сладкий чай с поджаренным просом, поили верблюжьим молоком, купали в кобыльем и шили платья из тонких самаркандских шелков. Царь Спаргапис учил дочку находить путь домой по звездам, метко стрелять из лука и драться на равных с мальчишками.

– Зачем? – спросила Дая.

– Небо не дало Спаргапису сыновей, и он хотел научить дочь искусству, которое знал лучше всех. Он рассказывал ей о тактике и стратегии боя, о том, что иногда малым числом можно победить огромное и, если твоя армия меньше, можно сделать вид, что отступаешь, а когда враг приблизится, вдруг обернуться и выстрелить ему прямо в сердце. Отец учил дочку узнавать точное время по солнцу и разбираться в географических картах. Он рисовал на песке безымянные горы, реки, озера и города, и Томирис узнавала их по очертаниям.

Царь массагетов говорил, что в бою день иногда похож на секунду, а секунда похожа на длинный день. Он готовил дочку к серьезным битвам, и кто скажет, что он был неправ. Томирис выросла, влюбилась в храброго массагетского воина и родила сына. Все шло так, как должно идти. Но одна-

жды перед рассветом неизвестные люди убили царя Спаргаписа и защищавшего его зятя.

Сразу после получения этой печальной вести Великий царь Кир отправил лучших послов к массагетской царице, чтобы выразить соболезнование. «Большое горе, но на все воля Всевышнего», – сказал главный персидский посол и достал из пурпурного кафтана письмо своего господина. Он развернул его с важным видом и обошел с посланием всех, кто был в юрте, чтобы все, кто там был, увидели: письмо написано не простым бранным соком черной каракатицы, а настоящей золотой краской на тончайшей шелковой бумаге. Но никто не был потрясен желтым сиянием. Все, кто был в юрте, молчали.

А когда посол Персии стал читать вслух послание своего господина, то даже глухой столетний дедушка Спаргаписа, сидевший в дальнем ряду юрты, услышал эти слова:

«Великий Кир, завоевавший полмира, предлагает прекрасной Томирис стать своей девятой женой».

После этих слов дедушка Спаргаписа крикнул, как утка. А посол продолжил сладким голосом слова своего господина:

«И тогда страна массагетов станет частью Великой

Персидской империи!

– Эммм, – сказала Дая, нахмутив брови.

– Да, девочка.

После сытного угощения, положенного у кочевников каждому гостю, Томирис ответила послам холодным отказом и отправила их обратно в Персию, оставив себе только маленький золотой слиток, подарок царя Кира.

– Чтобы не забыть?

– Нет, чтобы запомнить, моя девочка.

Когда послы вернулись в свою страну с огромной повозкой подарков, вес которой стал меньше на крохотный золотой слиток, Кир пришел в ярость. Он сказал своей мощной армии: собирайтесь! И армия собралась очень быстро.

– Они так любили воевать?

– Вряд ли. В древних книгах пишут, что Кир знал своих воинов по именам, а какому человеку не ласкает слух его имя.

И вот персидский царь снова пришел с войском на чужую землю. Он не верил в силу молодой царицы, в ее способность направить стрелы в сторону его расшитой жемчугом и ру-

бинами бархатной накидки. Он не знал, какой может стать женщина, когда ей нужно защитить свою черную юрту.

– Белую?

– Белая юрта была у царей. А черная есть у всех людей, в ней горит яркий огонь, пахнет яблоками и горячей лепешкой.

– Откуда ты знаешь, няня?

– Читала. Ну вот.

Когда Кир напал на страну массагетов, небо потемнело так, будто его закрыла крыльями огромная черная птица. А когда небо прояснилось, то большие серые камни стали еще молчаливей, чем были.

– Ох, – сказала Дая.

– Да. Все мужчины и женщины этой страны надели черную одежду и стали готовить к битве коней и оружие. Запомни, девочка, не бойся менять цвет, если правда на твоей стороне.

– Ладно.

– *Так вот. Массагеты за неделю отбросили армию Кира к тому месту, откуда она пришла. Но персам удалось захва-*

тить в плен отважного сына Томирис, они хотели заставить его выдать военные тайны, но сын убил себя в плену. Когда гонцы хриплыми голосами сообщили эту весть царице, она не сказала ни слова, только побледнела и отвернулась. На следующий день, когда главная битва была в самом разгаре и небо оглохло от криков раненых и живых, Томирис вызвала к себе семь лучших воинов, дала им маленький золотой слиток и приказала найти его хозяина. Поздним вечером три воина вернулись, один нес в руке чью-то голову. Это была голова Кира.

Царица велела наполнить мешок из-под вина кровью погибших воинов и опустила туда голову со словами:

«Ты ведь любишь кровь, дорогой Кир, так пей ее вечность!»

– Ой. Почему она так сказала, няня?

– Потому что все пройдет, а история Томирис, победившей Великого Кира, будет жить вечно.

– Да-а-а.

– Да, моя девочка.

– Няня, а почему Кира называли Великим, если он потом проиграл?

– Видишь ли... В одной древней книге сказано – «сердце

царя в руках Бога». Когда царь освобождает народы от плена, он велик. Когда возвращает им землю – он справедлив. Когда угощает вином – он щедр. Но если правитель решил пролить кровь невинных людей – Бог покидает его.

Все уроки Дая делала в интернете. Одежду ей доставляли курьером, а еда появлялась неизвестно откуда в большом холодильнике. Только нужно заказать, что хочешь сегодня. И тогда все само появлялось в хлебнице, в толстых стеклянных вазах и на прозрачных пластиковых полках.

Когда ей исполнилось пятнадцать, пришло письмо на почту с пометкой «важное». В нем человек по имени Артур Грей просил быть осторожной и как можно реже бывать на улице. В городе стало беспокойно, объяснял господин Грей, и лучше не выходить без веской причины из дома.

«Это только до тех пор, пока тебе не исполнится шестнадцать лет», – объяснил, ничего на самом деле не объяснив, Артур Грей. Кто он такой, Дая толком не знала, вообще ничего о нем, кроме того, что, кажется, он кардиолог, специализируется на патологиях сердца и живет в городе с беспокойным названием Солнечный. На карте Солнечный город выглядит маленьким синим пятнышком, и почему-то Дая доктору верила, хотя ни разу не видела его лица, только подпись «А. Г.». Красивая большая буква «А» с завитком слева и буква «Г» с таким же волнистым хвостиком навер-

ху. Этот человек общался с ней сухим языком формального письма без лишних прилагательных, с помощью только глаголов и существительных, с жирными точками в конце предложений.

Он несколько раз присылал Дае подарки – фарфоровую куклу, белого зайца, небольшой черный рюкзак, сережки с бирюзой в день рождения, а девятнадцатого ноября курьер приносил каждый год коробку фрезий. Они не помещались в самую большую стеклянную вазу, так их было много. Разноцветные. С большими цветками и маленькими. Курьер приносил фрезии и в другие дни тоже, но девятнадцатого ноября букет был самым большим.

Дая смотрела в Википедии – оказалось, фрезии родом из Африки, и это ни о чем не говорило и не добавляло ни грамма в разгадку, что такое девятнадцатое ноября, почему Артур Грей присылал ей именно эти цветы, было непонятно, как и многое в жизни Даи. Так много вопросов и так мало на них ответов. «Но, может, все прояснится, когда мне исполнится шестнадцать? – спрашивала у зеркала Дая. – Что-то должно когда-нибудь произойти, не может загадка быть вечной». И вот случилось – первого декабря на почту пришло письмо. Перед ним отключился свет, урок географии прервался, компьютер погас. Когда свет появился снова, на экране уже горел красный флажок – вам письмо. Дая нажала мышку и открыла послание, там было:

Доброе утро, дорогая Дая!

Лучшая в мире клиника по искусственным сердцам хочет сообщить вам хорошую новость, даже очень хорошую новость – мы изменим вам сердце. У вас оно с серьезным дефектом, оно золотое, но мы готовы сделать его работоспособным и почти что живым. Процедуру проведем седьмого декабря, но вы должны приехать за день до нее. Билет на ваше имя прилагается. В аэропорту вас встретит водитель с табличкой «Daya» и отвезет по нужному адресу.

Предупреждение:

В дорогу нужно надеть тонкую рубашку из специальной фольги – чтобы не звенеть на сканере, это важно. Берегите себя и не пейте холодное. Рубашка придет очень скоро.

Искренне ваша,

Nadya, секретарь доктора Грея. Город Солнечный, первое декабря этого года

Дая закрыла письмо и посмотрела на скрипнувшую входную дверь, когда в дымоходе камина что-то ухнуло и стукнулось о рыжую огнеупорную плитку. Дая пошла посмотреть, что это – на керамической плитке белел бумажный пакет, обернутый два раза прозрачным скотчем. Внутри лежали два билета – в город Солнечный и в какое-то незнакомое место с непонятным названием. Буквы в названии будто залиты водой или каким-то составом, который разрушает чернила и делает их размытыми. Кажется, букв было пять, но нельзя

точно сказать, сколько их было. Еще внутри была жилетка без рукавов из тонкой серебристой фольги, она совсем не шуршала, когда Дая потрогала ее пальцем. «Новые технологии», – подумала Дая и надела жилетку, которую клиника почему-то называет рубашкой. Сердца не было под ней слышно.

Но почему Грей сам не написал ей две строчки, а отправил письмо через свою секретаршу? Скоро седьмое декабря, мой день рождения, и в этот день мне хотят поменять сердце, а что будет потом?

В ютубе показывали новости о непривычно холодной зиме, скором успешном завершении войны с инопланетянами и скором посещении королем Солнечного города. Блондинистая диктор с синими ресницами сообщила, что король пробудет в городе с официальным визитом с пятого по двенадцатое декабря. Потом вернется в родной подземный дворец и встретит Новый год там. Это будет последний визит в этом году, все следующие поездки запланированы на февраль следующего. За окном тихо и загадочно кружился снег. Странно, подумала Дая.

Она отворила дверь в булочную на минус первом этаже, там уже стояла змейка очереди из соседей, они ждали свежие булочки для завтрака и разговаривали, как всегда, о погоде:
– Кажется, снег пошел.

– А мне показалось, он уже тает.

– Кто-нибудь видел короля?

– А что с ним?

– Нет, никто. Его никто никогда не видел.

– Говорят, король сделан из картона.

– Не может быть, как он мог бы править страной?

– Осторожно. Видите, замигали лампочки на потолке?
Это первое предупреждение.

– Наш прекрасный король – самый лучший в мире человек.

– Хорошо, но зачем жить в подземном дворце, там же нет света?

– А ему не нужен свет, он сам свет. Если бы его не было, не было бы нас.

– Какие глупости, мы есть независимо от воли одного человека.

– Сначала появился король, а потом появились все мы.

– Ой.

– Что?

– Ничего, почудилось.

Дая купила три булочки с изюмом и сахарной глазурью и вернулась домой.

Все электронные газеты последнюю неделю твердят об одном и том же – золото в этом году подорожало настолько, что если взять торт с большой тарелки, разрезать его на пять частей и убрать четыре куска в сторону, то останется торт до подорожания.

Так говорят заголовки толстых финансовых журналов, об этом кричат дикторы в телевизоре и об этом услышала по радио Дая, когда одевалась в аэропорт, намного раньше, чем нужно: она очень волновалась, пропустят ли ее в самолет. Ведь золото может звенеть и полицейские могут захотеть составить акт о незаконном перевозе металла.

Об инциденте раструбят спутниковые каналы – рядом с темами про войну, взрыв в австралийской катакомбе, инвестиции Билла Гейтса в убийства детей ради эликсира моло-

дости и пользу теплого подшерстка монгольских коз.

На сотовый снова пришло сообщение – городские власти приглашают жителей на центральную площадь. Там должен состояться какой-то хороший праздник с участием самого мэра города.

Хоть бы не зазвенеть, – думала Дая, застегивая пальто. Она собралась выйти из дома как можно раньше, все-таки первый самолет. Но за окном вдруг послышался необычный звук, будто большая птица села на подоконник. И Дая вспомнила о зубной щетке, забытой в ванной. Она сняла пальто и пошла на цыпочках в ванную – там под зеркалом стояла в стакане зубная щетка, но сейчас в нем ничего нет, стакан пуст. А щетку держит в руке юный мальчик, вполне обычный, если не считать того, как он тут появился. К тому же слишком красивый, чтобы смотреть слишком долго – хоть впереди уйма времени, можно опоздать в аэропорт.

– Как интересно, что вы тут сидите, – начала было Дая, но мальчик протянул ей зубную щетку так, будто это был цветок.

– Спасибо, – сказала девочка и принялась запихивать щетку в нейлоновый рюкзак.

Мальчик вежливый и какой-то нездешний. Будто спустился с облака на воздушном шарике. А у нее через семь часов самолет и, может, даже объяснения с людьми, которые вряд ли поймут, как можно родиться с ненормальным сердцем. Сотовый снова бесцеремонно звякнул, и на экране вспыхну-

ло сообщение:

Внимание! Внимание! Стоимость золота подскочила на черном рынке в сто раз!

Дая вложила телефон в карман и посмотрела на мальчика.

– Как тебя зовут?

– Андрюс.

– А меня Дая.

– Я знаю. Извини, что влетел без спроса, – он улыбнулся какой-то легкой светлой улыбкой.

– Ну что ты! У меня еще куча времени. А где твои крылья?

– Их нет.

– Я тоже хочу научиться летать.

– Лучше не надо. Лучше просто записаться на курсы летчиков.

– Ладно. Давай слетаем на площадь?

Они приземлились на брусчатку старого города, поправили волосы и сели за круглый столик уличного кафе. Андрюс попросил официанта принести чай и пирожные с сыром. И Дая спросила:

– Ты ангел?

– Кто?

– Посланник?

– Нет, я просто Андриус. Все хорошее, что случится с тобой теперь, – это я. Если бабочка влетела в окно или много изюма в булке – это все я.

– А почему ты такой?

– Какой?

– Почти прозрачный. Я вижу через тебя дерево и даже пролетевшую птицу.

– Не знаю. Мы бежали с братом по улице, он держал меня за руку. Я видел пятна крови на одежде падающих людей. На собаке. Потом увидел ботинок, он лежал один, будто у него никогда не было хозяина. Я видел женскую сумку возле ботинка. Но брат сказал, что надо бежать быстрее. Мы понеслись по ступенькам лестницы вниз, раньше я каждый день ходил по ней в школу. Теперь это была другая лестница – она стала короче, и перила скрючились, как ветки обгоревшего дерева. А потом я упал.

– И умер?

– Нет, что ты. Брат меня звал, тряс за плечи, а я смотрел на него, слышал и не мог ничего ответить. Я хотел бы его успокоить: «Не волнуйся. У меня все хорошо». Но он вдруг так громко закричал, потом встал и медленно пошел, не выбирая путь, не прячась от белых тарелок, летающих над на-

ми. Он упал через минуту после меня.

– Как жаль, Андрюс, – сказала Дая, и эти слова ей самой показались ужасно неуклюжими. Но она не знала, какие слова подобрать и есть ли такие слова вообще.

Но Андрюс ее смущения не заметил, а, может, заметил, но только улыбнулся и пожал плечами. Они выпили чай, доели пирожные и пошли на площадь. Там электрики лазили по рождественской елке и увешивали острые ветки гирляндами лампочек. Одна лампочка разбилась, в снег воткнулись ее разноцветные осколки и застыли, будто со снегом слились. К осколкам подошел дворник в черном фартуке и собрал остатки лампочки в плотный пластиковый мешок. Люди еще собирались на площади вокруг статуи Свободы, когда колокола заиграли гимн и патриотичные горожане с высоких ступенек стали читать оды, белые стихи и сонеты великому королю.

– Ох-хо, все хотят попасть на звезду, – сказала бабушка с сеткой картошки.

– Куда? – переспросила Дая.

– На звезду, – вздохнул худой мужчина в куцем пальто.

– Зачем?

– Говорят, там пьют шампанское и все время обнимаются. Подул ветер, и бабушка с сеткой поежилась.

– Почему?

– Потому что там много апельсинов.

Снова заиграл гимн города. На ступеньки перед Свободой поднялся толстенький человечек в круглых очках и сказал в микрофон:

– Тихо, господа! Прошу соблюдать порядок и не толкаться, места на звезде всем хватит. Итак. Наверху сейчас делают новые народные площадки для гольфа и сажают апельсиновые деревья. Посередине звезды уже возвели прекрасный дворец из пуленепробиваемого стекла и останков американского корабля. Дворец олицетворяет собой победу силы над слабостью, вечности – над временем, мэра нашего города – над бедностью. Эта открытая недавно звезда принадлежит всем счастливым гражданам, потому что наш дорогой король подарил ее совсем простым людям – сантехникам, грузчикам, плотникам и кухаркам. Они смогут подлетать к звезде раз в год, чтобы наслаждаться видом на город днем, а вечером можно вернуться обратно на Землю. И кстати, господа. Синоптики только что сообщили – на звезде стоит безветренная погода, с нее хорошо видно нас и другие, гораздо более отсталые города.

После выступления толстого человечка заиграла веселая музыка, и в середину площади выбежал одноногий танцор.

Он стал исполнять танец раненого солдата. Он крутился на одной ножке, ловко уворачивался от воображаемых пуль и приседал, помогая себе толстой облезлой палкой, оказавшейся костылем. Медаль на его груди болталась туда-сюда. Он весело улыбался и все время смахивал пот со лба.

Человек в круглых очках поморщился. Он повернулся к мужчине в военной каске.

– Отправьте солдата в тюрьму.

– Извините? – переспросил мужчина в каске.

– Я тихо сказал?

– Нет, господин генерал.

– Сегодня праздник, а он смущает народ ассоциациями.

– Но он хорошо танцевал, господин генерал. Лучше двуногих. Он отличный танцор.

– Пусть танцует в камере.

– С преступниками, мой генерал?

– Да.

– Но он же солдат и не виноват, госпо...

Мужчина в каске не договорил. Генерал повернулся к нему спиной, а на сцену стали выходить заслуженные поэты и писатели, чтобы прочесть и пропеть только что рожденные строчки о будущем визите короля в прекрасный Солнечный город.

Дая вела взглядом одноногого солдата, он устало ковылял, опираясь на палку, в сторону липовой аллеи, когда его взяли под руки какие-то тихие люди.

– Купите орешки к чаю!

Крикнули совсем рядом. Андриус повернулся к продавцу, подъехавшему только что с тележкой сладостей. И пока он спрашивал, с чем орешки – с сахаром или медом, кто-то быстро втокнул Дая в белую капсулу, похожую на яйцо, дверцы аппарата бесшумно сдвинулись, а на площади заиграли Waltz No 2 Шостаковича. Капсула, подражая ритму вальса, взлетела над площадью, полетела зигзагами под облаками и скоро плавно воткнулась в открывшийся специально для нее проем стены старинного кирпичного дома. Дверцы капсулы раздвинулись, и Дая оказалась в комнате с прозрачным полом, под ним на искусственном морском дне изгибались синие водоросли, и синяя барракуда неслышно открыла зубастую пасть. Девочка ойкнула и подняла от пола глаза.

Перед ней сидел смуглый худой мужчина лет сорока.

– Здравствуй. Проходи, садись, – произнес мужчина, не вставая со стула. От волнения Дае показалось – «не бойся, садись». Она села на стул напротив и только сейчас заметила в ногах мужчины большую седую собаку. Она внимательно смотрела на Даю.

– Ты все понял, Рэй, – заметил хозяин, и собака легла удобнее.

А мужчина сказал:

– У тебя редкое сердце. Его надо немного защитить, вот и все.

– Спасибо. Кажется, я видела вас во сне, когда была маленькой, – тихо ответила Дая.

Мужчина замолчал, и девочка посмотрела под ноги – с морского дна на нее смотрела большая толстая жаба, она смотрела на Даю, открыв от удивления рот, и была похожа на огромную каплю чего-то бурого и скользкого.

– Как вы похожи.

– С кем? – испугалась Дая.

– Ничего. Все будет хорошо.

– Спасибо. Можно я вернусь домой? Там рюкзак.

Мужчина встал, сказал хрипло «конечно» и нажал кнопку на пульте. Проем в стене бесшумно открылся – и она увидела Андрияса:

– Я здесь.

Он стоял в широком проеме стены, там, где несколько минут назад припарковалась капсула. Девочка сказала мужчине «до свидания!», подбежала к Андриясу, протянула ему руку, и они полетели над крышами городских домов, а потом влетели в ее квартиру в распахнутое балконное окно. Там Дая взяла свой рюкзак и пошла к входной двери. Уже у двери она повернулась к Андриясу, чтобы объяснить что-то на прощание. Но он улыбнулся, протянул ей кулек с сахарными орешками, сказал: «Артур Грей – отличный необычный доктор», – и быстро двинулся к балкону, чтобы шагнуть куда-то вверх по невидимой лестнице. Прошла всего пара секунд, после которых Дая выбежала на балкон – внизу ждало такси. Она посмотрела в небо, там никого уже не было.

Когда объявили посадку, она пошла в туалет чистить зубы. «Пусть будет свежее дыхание, когда задержат», – думала Дая. Сердце стучало, и защитный жилет отзывался дрожью на этот стук. Если все пойдет не так, или таможенник выхватит взглядом из очереди – нужно повернуть назад и уехать отсюда прочь. Дома ждет второй билет, он лежит между два-

дцать восьмой и двадцать девятой страницей справочника «О небесных телах». Откуда Андриос узнал обо мне, интересно. Ведь у меня даже имени нет на входной двери, только шифрованные коды и цифры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.